

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

от 25 АПР 1963

г. Москва

Газета №

ВАН КЛИБЕРН: МУЗЫКА—НЕ НАБОР ЗВУКОВ

ОТ НАШЕГО СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Мы сидим с Ваном Клиберном в номере гостиницы — его Нью-Йоркской штаб-квартиры, беседуем о музыке, вспоминаем Москву, делимся впечатлениями о последних новостях культурной жизни США и Советского Союза.

Примерно по половине комнаты, которая служит гостиной и одновременно кабинетом Клиберна, занимает рояль, за которым он прожигает иногда ночи напролет. На крышке рояля — килы нот, бюст Шопена, деревянная резная трюйна — сувенир, привезенный из нашей страны. Кстати, в комнате немало предметов, напоминающих хозяину о днях, проведенных в Советском Союзе. И как-то удивительно мило и неожиданно выглядят здесь низкий расписной столик и два маленьких стула работы холможских мастеров.

Ван сидит на диване, курит, а глаза его пробегают по строчкам корреспонденции из Москвы в газете «Нью-Йорк геральд трибун», где сообщается об успешном выступлении в Большом зале Московской консерватории американского пианиста Грента Йоханнесена.

— Я очень рад за Грента, — го-

ворит Клиберн, окончив чтение. — Это талантливый музыкант, который выступал в США со всеми лучшими оркестрами. Теперь он в Москве, играет в Консерватории... О-о, Москва, Москва! — мечтательно произносит он. — Как я люблю этот город, величественный зал Консерватории! Подумать только, уже пять лет прошло со времени первого конкурса Чайковского, а кажется, будто это было вчера. Время мчится быстро, но сколько бы лет ни прошло, конкурс из памяти моей не изгладится никогда. Это лучшая пора моей жизни. А какая аудитория в Москве! Впрочем, у вас много великолепных музыкантов, публика привыкла слушать самое хорошее исполнение, она воспитана на отличной музыке и умеет ее ценить. Ко мне советские слушатели были очень великодушны, но наша любовь взаимна.

Где выступал Клиберн за последние месяцы, каковы его планы?

Прежде чем ответить, Ван проводит рукой по лицу, как бы отгоняя усталость, а потом, улыбнувшись, признается:

— Сегодня играл всю ночь до шести утра. Я не могу не работать каждый день, хотя должен давать два три концерта в неделю. Этой зимой я выступал почти во всех крупных городах США — Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анжелесе, Сан-Франциско, Бостоне, Филадельфии, Вашингтоне и многих других. До 7 мая будет еще несколько моих концертов, а затем предстоит европейское турне — Западная Германия, Англия, Италия, Швеция, Швейцария, Ирландия.

Я получаю огромное удовольствие, когда играю для людей. Каждый концерт для меня — познание чего-то нового, неизвестного. Мечтаю опять приехать в Советский Союз. К сожалению, в этом году вряд ли это удастся. Но надеюсь в будущем снова встретиться с дорогими советскими друзьями.

Постепенно разговор переходит на вопросы эстетического характера. Спрашиваю, какую музыку Ван любит больше всего.

— У меня есть любимые композиции, — отвечает он, — произведения которых я могу играть сотни раз с огромным наслаждением. Но

в целом мне хочется сказать одно: я за хорошую классическую музыку.

— А как вы относитесь к музыке «сверхсовременной» — той, что в Америке именуется экспериментальной? — спрашиваю я.

— Она меня совершенно не интересует, — решительно говорит Ван. А затем с улыбкой добавляет как бы по секрету: — Я для нее слишком старомоден. Конечно, — продолжает он после паузы, — пока человек жив, он будет стремиться к экспериментам, в том числе и в музыке. Есть люди, которые утверждают, что формалистическая музыка доставляет им удовольствие, но лично мне — никакого. Вслушайтесь и вдумайтесь в слово «музыка». Само звучание его прекрасно и настроивает на поэтический лад. Да и происхождение слова говорит о многом: «музы»! За этим кроется вдохновение, наслаждение, красота. По моему твердому убеждению, аудитория всегда ждет от музыки чего-то прекрасного, возвышенного, она призвана давать человеку духовное наслаждение. Когда я сижу на концерте, где музыку подменяет набор звуков, я не испытываю удовольствия. Слушая такого рода произведения, — шутит Клиберн, — думаешь о двух вещах: когда же наконец возвратится тишина и что тебе предстоит сделать на следующей неделе.

Мне кажется, что подобная музыка всегда будет побочным явлением в развитии мирового искусства. На классическую музыку я смотрю не только как на источник эстетического наслаждения, но и как на средство общения людей, формалистическая же не дает ни того, ни другого.

Прощаясь, Ван крепко пожал мне руку и с большой теплотой сказал:

— Прощу вас, передайте моим советским друзьям, любителям музыки, что... — он на секунду запнулся, не в силах найти подходящие слова, чтобы выразить пережившие его чувства, и закончил по-русски «я люблю их всех».

Г. КУЗНЕЦОВ.

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону).